

Анализ психологии предательства в прозе Фэн Цзицяя о “культурной революции”

© 2009

А. Коробова

В статье освещается тема предательства и верности в прозе одного из наиболее ярких и популярных представителей современной китайской литературы Фэн Цзицяя (р. 1942).

Ключевые слова: китайская литература, Фэн Цзицяй, “культурная революция”, психология предательства

Что толкает человека на предательство? Фанатичная вера или беспринципность? Малодушие или жажда подвига? Инстинкт самосохранения или погоня за выгодой? Психологию предательства изучают теологи и ученые, психологи и литераторы, и каждый из них предлагает свою теорию предательства. В мировой литературе тема предательства и верности испокон веков была одной из ведущих наряду с темами жизни и смерти, любви и ненависти, войны и мира, страха и отваги. Примером темы предательства в европейской и русской литературе могут служить многочисленные преломления евангельского сюжета об Иуде и Христе, к которому, начиная с Данте Алигьери (“Божественная комедия”), обращались многие классики. Ю.В. Бабичева в статье “Библиейские образы в пространстве русской художественной литературы” отмечает: “Горький как-то попытался выстроить впечатляющий ряд мировых шедевров, где библиейский миф об Иуде обрел новую жизнь. В него вошли: Данте, Мильтон, Камюэнс, Гете, Л. Толстой, Гюго, дерзкий Вольтер, Кардуччи и еще длинный ряд имен, которыми мир гордится”¹. Именно *мотивация* поступка Иуды, загадочность и неясность его образа, как подчеркивалось многими исследователями, привлекала внимание писателей². Частоту сюжета об Иуде и Христе можно объяснить поиском мотивов предательства: у Булгакова Иуда — человек, предавший Христа в корыстных целях; у Л. Андреева в рассказе “Иуда Искариот” “мотив предательства — мучительная любовь к Христу и желание спровоцировать учеников и народ на решительные действия”³.

Советская литература о войне, о революции (иными словами, о годах социальных потрясений) часто строилась на антитезе “предательство / героизм и преданность Родине” — истоком предательства авторы считают трусость (“Живи и помни” В. Распутина, “Молодая гвардия” А. Фадеева, “Каратели” А. Адамовича, “Сотников” В. Быкова). Аналогичная трактовка предательства — как предательства Родины и народа звучала в Китае в период антияпонской войны. Примером тому могут служить произведения, созданные в годы антияпонской войны одним из ведущих китайских писателей XX в. Лао Шэ (1899—1966) — в его романах “Огненное погребение” (1944)⁴ и “Перерождение”, трилогии “Четыре поколения под одной крышей”, а также пьесах “Генерал Чжан Цзычжун”⁵ и “Остатки тумана” исследуются нравственные истоки героизма и психология предательства и капитулянтства. А.А. Родионов в книге “Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века” отмечает, что в произведениях Лао Шэ военных лет особенно многочисленны предатели, стремящиеся извлечь выгоду из сотрудничества с врагом, а “первой и главной ступенькой на пути к предательству писатель называет боязнь “остаться в накладе”, то есть боязнь потерять деньги, вещи, развлечения, положение”⁶. Т.е. основной мотив предателей у Лао Шэ — корысть и безразличие к судьбе родины.

Вне зависимости от концепции предательства и национальной принадлежности литераторов, большую часть писателей, затрагивающих эту тему, интересуют *мотивы* поведения человека, цель такого поступка и предпосылки к нему. Нередко исследуется поведение героя в ситуации выбора.

Предательство, психология предательства — актуальный вопрос для поколения китайцев, пережившего репрессии “культурной революции” (1966—1976). Но в этом случае речь идет о предательстве любви, дружбы, родственных отношений, а также своих убеждений в условиях тоталитарного режима и репрессий. Предательство близких стало одним из самых страшных испытаний, выпавших на долю людей во время “культурной революции”. Фактически это одна из ключевых тем “литературы шрамов” (*шанхэнь вэньсюэ*)⁷, возникшей после окончания “культурной революции” и ознаменовавшей возрождение литературного процесса после “десятилетия безмолвия”. Не случайно имя новому течению дал опубликованный 11 августа 1978 г. рассказ Лу Синьхуа (р. 1954) “Шрамы” (“Шанхэнь”)⁸, главная героиня которого отреклась от матери, объявленной “правым элементом”.

В 1979—80 гг. появилось понятие “литература дум о прошедшем” (*фаньсы вэньсюэ*). Если “литература шрамов” просто разоблачала злодеяния прошлого, “литература дум о прошедшем” пыталась преодолеть его негативные последствия, показать проблемы, с которыми сталкиваются представители реабилитированной интеллигенции и бывшие высокопоставленные партийные работники. Одной из таких проблем являлась незаживающая рана от предательства близких.

Заметный вклад в “литературу шрамов” и “дум о прошедшем” внесли ранние произведения Фэн Цзицая (р. 1942)⁹, созданные в том числе на автобиографическом материале. Фэн Цзицай был в числе первых писателей, взявших на себя смелость поднять вопросы, связанные с преодолением последствий “культурной революции”. Это страшное бедствие, постигшее Китай, не миновало и семью писателя. Родители Фэн Цзицая неоднократно подвергались публичным унижениям и избиениям, отец был сослан “в коровник на перевоспитание тру-

дом”. Фэн Цицай в рассказе “Письменный стол” (1980)¹⁰ описал разгром хун-вэйбинами дома семьи Фэн 24 августа 1966 года.

В рамках данной статьи мы рассматриваем, прежде всего, *предательство-отречение* от близких, коллег, знакомых и друзей вследствие страха; *невольное предательство* из-за манипуляций третьих лиц, *предательство-продажность* ради извлечения выгоды, а также предательство своих идеалов и убеждений. Эти “типы” предательства, если верить китайской художественной литературе и документалистике, во время десятилетия “культурной революции” встречались чаще всего.

Во многих ранних повестях и рассказах Фэн Цицай мы наблюдаем авторский поиск мотивов предательства. На этой оси выстроены повести “Крик” и “Картина “Противостоящие холоду””. В более поздних книгах чаще встречаются размышления о наказании виновных (“Десять лет в жизни ста людей”).

Тема предательства в творчестве Фэн Цицай неразрывно связана с атмосферой страха, унижений, всеобщего доноительства, и (как следствие) деформации личности. В повести “**Крик**”¹¹ (в оригинале — “А-а-а!”, 1979), вызвавшей большой резонанс в Китае и удостоенной премии журнала “Вэнь бао” (“Литература и искусство”) за лучшие повести 1979—1980 г., воссоздана гнусная атмосфера доносов, царящая в одном из НИИ во время всевозможных “чисток”. Книга вызвала широкий отклик в Китае и за его пределами, переведена на английский, немецкий, французский и русский языки¹².

Повесть построена на внутриличностном конфликте. Автор показывает, как ломали и запугивали людей, как у них, надломленных, происходили необратимые изменения психики. Главный герой повести У Чжунъи вынужден был предать своего репрессированного старшего брата. Много лет назад старший брат привел студента-историка Чжунъи к друзьям, образовавшим “общество любителей чтения”. Молодежь горячо дискутирует, обсуждая книжные новинки, обмениваясь мнениями. У Чжунъи тоже произносит речь о совершенствовании государственного устройства страны с целью предотвратить утверждение единоличной власти. Вскоре началась кампания против “правых”, и брата, как и большинство его друзей, по чьему-то доносу сослали на север в исправительно-трудовой лагерь.

Жизнь Чжунъи, которому чудом удалось избежать этой участи, теперь пронизана страхом: “Он стал другим человеком, боязливым, мнительным, молчаливым, недоверчивым; он почти никогда не говорил откровенно, редко высказывался о жизни и людях, старался не высовываться. Постепенно сознательное это стремление стало второй натурой. Как человек, долгое время лишенный собеседников, почти разучивается говорить, так и он мало-помалу превратился в слабовольного, скучноватого, без живинки человека, лишенного собственных взглядов и принципов”¹³.

Подробное описание внешнего облика Чжунъи, по-видимому, нацелено на то, чтобы вызвать сочувствие и жалость читателя (своего рода психологический прием): “внешность у Чжунъи была соответствующая: худое морщинистое лицо, похожее на кусок перестоявшего теста, маленькая, уже начавшая лысеть голова на тонкой шее...”¹⁴.

Слабохарактерность — вот причина предательства Чжунъи, именно эта черта красной нитью проходит через всю повесть. “Человек мягкий и миролюбивый, он старался ни во что не ввязываться”, “всему институту он стал известен как человек боязливый, но честный”, “человек он был мирный, не ведал ни люб-

ви, ни ненависти, не умел мстить за обиды и даже не помнил их”, — так характеризует писатель своего персонажа. Вялость, отсутствие собственного мнения, неприспособленность к жизни — вот его основные характеристики. “Все способности У Чжунъи сосредоточились в области науки, в жизни же он был недотепой, не умел ни присмотреть за собой, ни постоять за себя. Он мог без запинки перечислить девизы годов правления всех императоров всех династий, но в быту все забывал и терял, питался кое-как, за порядком в комнате не следил” (все цитаты в данном абзаце приводятся в переводе В. Сорокина¹⁵).

Однажды У Чжунъи получает письмо от брата, из которого узнает, что вновь подняли старое дело, повторно ведут допросы и, возможно, теперь смогут выяснить имена всех участников дискуссий. Чжунъи пишет пространственный ответ, но вдруг обнаруживает, что потерял письмо. В это время на работе начинается очередная кампания, и состояние охваченного ужасом У Чжунъи не ускользнуло от начальника политотдела, “знатока людей” Цзя Дачжэня. Путем разных многозначительных намеков и двусмысленных фраз он запугивает Чжунъи, и тот, решив, что письмо вернули в институт по обратному адресу на конверте, решает чистосердечно во всем признаться.

Этому решению немало способствует и предательство его бывшего друга Чжао Чана, которому поручили следить за Чжунъи, а тот доверял ему по-прежнему и открыто высказал все, что было на душе. Чжао Чан же был озабочен только собственным спасением и подозревал Чжунъи в том, что тот тоже написал на него донос.

Предательство Чжао Чана — другого рода. Он не испытывает раскаяния, угрызений совести. Предательство друга происходит быстро, практически без колебаний, так как он был внутренне к этому расположен. Мотивы его предательства — страх, борьба за выживание и отчасти борьба за “место под солнцем”.

Как же выглядит Чжао Чан? “Чжао Чан по натуре покладистый, незлобивый, легко сходилась с людьми. Он всего себя отдавал работе, редко высказывал претензии к кому-либо и потому абсолютно устраивал Чжунъи. Был он очень полный, рыхлый, округлый; во внешности его, как и в характере или манере речи, не было никаких острых углов; в его небольших глазах вечно пряталась добродушная, приветливая улыбка. Ему скоро должно было стукнуть пятьдесят, но, если смотреть против света, на щеках его можно было увидеть мягкий, как бархат, блестящий пушок. Всем своим обликом он напоминал ласкового кота. Одни считали его скользким, другие просто миролюбивым; во всяком случае, он никогда никого не задевал, не вмешивался в чужие дела”¹⁶.

Несмотря на разную мотивацию предательства и столь сильно отличающиеся на первый взгляд характеристики этих персонажей, неоднократно повторяющиеся при их описании слова “миролюбивый” и “мягкий” становятся смысловой доминантой при создании портрета героев. Миролюбивость и бесконфликтность, согласно Фэн Цзицаю — движущая сила предательства.

Сильные личности, сохранившие верность своим убеждениям, возможно, не самая частая тема литературы этих лет, но она неизменно интересовала некоторых авторов. Так, не запугали исключенного из партии и уволенного с работы Ло Цюня из повести Лу Яньчжоу “Сказание заоблачных гор”¹⁷, не согнули инженера Чжэн Бэнчжуна из очерка Лю Биньяня “Люди и оборотни”¹⁸.

Образ сильного, не сломленного человека, сохранившего оптимизм, чувство собственного достоинства и чувство юмора, создает Фэн Цзицай в повести

“Картина “Противостоящие холоду” (“Доу хань ту”, 1983). Ее герой — репрессированный художник по имени Шэнь Чжоши. Городской партийной верхушке его картины, выполненные в технике традиционной китайской живописи *гохуа*, показались “реакционными и оппортунистическими” из-за обилия черного цвета. Сюжет построен вокруг судьбы картины “Противостоящие холоду”, где изображено старое дерево дикой сливы *мэйхуа*, одиноко стоящее на морозе: “его бьет то град, то снег, но корни дерева глубоко проникли в расщелину среди камней; и тонкие ветви, прочные, словно железо, не гнутся несмотря ни на что; кончики верхних веток сильно колышутся, и создается впечатление, словно они “расчищают небосвод”. Хотя цветов на ветвях немного, но они усыпаны пунцовыми бутонами, что вот-вот распустятся и словно мерцают — и ни один из них не поврежден...”¹⁹. Коллеги и ученики художника пришли к нему домой, чтобы выразить свою поддержку, и уговорили его отправить картину на выставку, что вызвало резко негативную реакцию со стороны партийного руководства и усложнило и без того непростую жизнь художника.

После этой выставки старый Шэнь вновь подвергся многочисленным работкам, ему запретили заниматься искусством, перевели на хозяйственную работу, заставили мыть туалеты и убирать территорию. Однако он не сносил безропотно критику, он возражал, спорил, тайком продолжал творить и воссоздал свою на шумевшую картину “Противостоящие холоду”. “Какая страшная действительность! Художник рисует картины, украдкой, тайком, словно совершая какое-то неприглядное дело, словно вор!”²⁰ В знак поддержки художника огромное количество людей, не связанных напрямую по роду своей деятельности с искусством (рабочие, крестьяне, партийные работники и студенты), после той злополучной выставки присылали ему саженцы *мэйхуа*, он посадил их у себя во дворе. Вскоре Шэнь скончался. И хотя до самой смерти ярлык “оппортуниста” с него не сняли, на его похороны пришли сотни людей, продемонстрировав мужество и верность своим идеалам.

Наряду с художником одной из ключевых фигур повести является его однокуртник, на протяжении многих лет бывший его другом, но предавший его в тяжелую минуту — Пань Данянь. Он предал не из-за каких-то потенциальных выгод, а потому что его сломали психологически, мотив его предательства — страх. Тема предательства звучит здесь особенно остро — тяжело переживает это художник, несладко и Даняню, от которого отвернулись и коллеги, и студенты: “Во время занятий студенты нарочно дерзили ему, демонстрируя холодное презрение. По вечерам он пребывал в мрачном настроении, шел по улице опустив голову — словно боялся встретиться с кем-нибудь глазами. Было очевидно, что дни его тянулись совсем не весело”²¹. Фэн Цицай использует слово “продал” (*чумай*), характеризуя действия Пань Даняня. Художник говорит своему другу: “Он продал меня, но на самом деле он продал себя самого”²².

В самом начале повести, задолго до того, как читатель узнает о предательстве Пань Даняня, писатель так описывает его: “Он был мягкого нрава, довольно сдержанный, и никогда не мог поспорить с кем-либо, чтобы отстоять свою точку зрения”²³.

Преобладание таких слабых персонажей, как У Чжунъи и Пань Данянь, в книгах о том времени является характерным не только для прозы Фэн Цицай. Но именно его произведения подводят к выводу: отсутствие активной жизненной позиции, мягкий нрав, неумение отстаивать свою точку зрения — возможные предпосылки грядущего предательства.

К числу лучших произведений автора принадлежит повесть **“Спасибо жизни”** (“Ганьсе шэнхо”, 1984), тема предательства в которой звучит особенно эмоционально.

Мог ли предположить на заре своей юности один из лучших выпускников пекинского художественного училища Хуа Сяюй, что донос его студенческой подружки, на которой он хотел жениться, сыграет роковую роль в его судьбе? Ожидал ли, что попадет при распределении в керамическую мастерскую в глухой провинции? Мог ли он, воспринявший поначалу это как крушение всех своих надежд, предположить, что всерьез увлечется керамикой и его признают рабочие мастерской, доверив ему потомственные секреты своего мастерства, которые веками не разглашались представителям других фамилий? Мог ли предвидеть, что в глуши ему суждено жениться по любви на интеллигентной девушке, учительнице рисования в средней школе, происходящей из семьи инженера? Мог ли думать, что его странное распределение в глубинку вызовет подозрения и станет поводом для раздувания очередной “кампании”, настолько хорошо продуманной и организованной, что даже его жена поверила в то, что он “враг народа”? Мог ли даже в страшном сне увидеть, что женщина, путь к счастью с которой был таким непростым (ее родственники были против их брака), уйдет от него и сделает аборт? Последним ударом был бросок преданного пса Черныша под колеса грузовика, который увозит Хуа Сяюя “на перевоспитание” на каменоломню. Художник сломлен, растоптан — казалось бы, жизнь кончена. Но жизнь и тут преподносит ему сюрприз: вдруг он узнает, что пес, сильно покалечившись, все же остался жив, и этот пес становится для него символом жизни, преданности, дружбы. Он всюду возит Черныша с собой и говорит, что несмотря ни на что, он благодарен жизни за все, что она ему дала...

Жена героя совершает предательство иного рода, нежели герои повестей “Крик” и “Картина “Противостоящие холоду””. Это неосознанное предательство. Она — жертва ловких манипуляций, и искренне верит в то, что обманули и предали ее саму (ей сумели внушить, что ее муж — действительно преступник, скрывший от нее свое “контрреволюционное” прошлое, а его шантажом заставили “признаться” в этом прошлом). Тем страшнее трагедия этой семьи.

В отличие от повести “Спасибо жизни”, герои одного из самых известных рассказов Фэн Цзица **“Высокая женщина и ее муж-коротышка”** (“Гао ньюжэнь хэ тадэ ай чжанфу”, 1982) не предали связывавшего их чувства. Это удивительно лиричный рассказ о любви — о любви, прошедшей через все испытания и недоступной пониманию обывателей. Странная на вид пара, где жена была намного выше мужа, вызывала пересуды.

Автор рассказа достаточно скуп на описание эмоций, в тексте нет диалогов о любви (собственно, диалогов супругов в рассказе нет вообще), отсутствуют описания внутреннего мира героев. Все чувства супругов переданы символически с помощью зонта: в начале повествования автор замечает, что она — худая, “похожая на твердую стиральную доску”, и он — толстый, как мячик, были неразлучны, и когда шел дождь, высокая женщина несла зонт над собой и над мужем, вызывая усмешки. В конце, после ее смерти, когда идет дождь, он выходит на улицу с зонтом, держа его так, словно идет не один. И глядя на то, как он идет, и как он несет зонт, соседи наконец поняли, что пустующее под зонтом место ему никто никогда не заполнит... Этот рассказ о любви и верности, каких мало было в те годы — ведь согласно маоист-

ской пропаганде, наделение героев литературы способностью любить, тосковать делало их несовместимыми с коммунистической моралью.

Писателя словно не интересуют детали жизни, быта героев, неизвестно, как зовут их ребенка, сколько ему лет, какая обстановка в их квартире, как они одеты. Единственная деталь их быта — корзина для покупок, с которой они ходят на рынок — символична, как и зонтик. Когда мужа репрессировали, на рынок с “ветхой желтой корзиной” ходила жена, когда она тяжело заболела, за покупками с той же корзиной стал ходить он.

Имена главных героев в рассказе отсутствуют — может быть, потому что ситуацию автор считает типичной? Она — просто “высокая женщина”, а он — “ее муж-коротышка”.

Кажущаяся бесстрастность летописца, лишь зафиксировавшего события, очевидцем которых стал Фэн Цицай, характерна для его произведений о “культурной революции”. Кажущаяся — потому что во многих рассказах между строк можно прочесть главную мысль: и в самый разгар бесчинств хунвэйбинов, в тяжелейшие для Китая годы находились люди, не участвующие в этой вакханалии, не унижавшие себя “признаниями” своей вины и неучастием и не признаниями выражавшие протест системе. Находились, несмотря ни на что, семьи, которые устояли, и жены, которых не смогли заставить отречься от опальных мужей, и именно они часто становились героями произведений Фэн Цицай. Именно такие люди не могли оправдать предательство обстоятельствами и не прощали его. Такова жена брата У Чжунъи в повести “Крик”. Когда брата У Чжунъи репрессировали, его красавицу-жену Хань Ци перевели из актрис в гримерши. Она растила детей, семья жила на ее заработки (муж долгое время доходов не имел), и она молча, не жалуясь, сносила все невзгоды. При первой же возможности она вместе с детьми выехала к мужу. Понятно, что узнав о предательстве У Чжунъи, она не могла его простить. Вообще, для прозы Фэн Цицай свойственно непощение предательства, несмотря на раскаяние совершившего его. Если у Достоевского мы наблюдаем, в духе христианской традиции, “преступление” и “наказание” (“раскаяние — наказание — прощение”), у Фэн Цицай, с одной стороны — грань “предательство” / “верность и стойкость”, а с другой — “раскаяние” и “презрение”. Вполне возможно, что непощение объясняется отсутствием важного звена в цепи — “наказания”. Фэн Цицай прямо говорит о том, что большая часть хунвэйбинов не понесла наказаний за свои действия, и поднимает вопрос об ответственности за содеянное (вопрос болезненный, учитывая, что к числу хунвэйбинов принадлежала большая часть молодежи, одурманенная пропагандой): “Я часто думал, после такого бедствия куда подевались те, кто когда-то творил злодеяния? Немало фашистских преступников, немцев и японцев после окончания войны покончили жизнь самоубийством из-за того, что не в силах были справиться с муками совести. Неужели те, кто творил злодеяния в “культурную революцию”, все же могут жить, как ни в чем ни бывало, и очнувшаяся совесть их не мучает?”²⁴.

Что же помогало выжить людям и сохранить себя? Вот вопрос, который живо интересует автора. Это могла быть любовь к музыке и взаимопонимание с близкими (рассказ “Итальянская скрипка”); привязанность к животным; осознание того, что, несмотря ни на что, жить стоит ради самой жизни (повесть “Спасибо жизни”). В сущности, по мысли писателя, не так уж важно, от кого исходила поддержка — от друзей, близких, сослуживцев, домашних животных, но она

была нужна как воздух, и люди сохраняли свое достоинство тогда, когда находилось хотя бы одно живое существо, не предавшее их.

Книга Фэн Цицая “Десять лет в жизни ста людей: 1966—1976” (“И бай гэ жэньдэ ши нянь”) ²⁵ схожа по стилю с документальными произведениями, особенно распространенными в “литературе дум о прошедшем” (*фаньсы вэньсюэ*). Около сорока рассказов реальных людей, записанных на магнитофонную ленту, появлялись в литературной обработке Фэн Цицая начиная с 1986 года в различных периодических изданиях — таких, как “Шоухо” (“Урожай”), “Дандай” (“Современность”), “Шиюэ” (“Октябрь”), “Баогао вэньсюэ” (“Вестник литературы”), “Сяшоцзя” (“Прозаик”) и были собраны впоследствии в книгу о культурной революции “Десять лет в жизни ста людей: 1966—1976”. Книга выдержала несколько переизданий (1987, 1991, 1995, 1997, 2003, 2004), остается необычайно популярной и сейчас, переведена на английский ²⁶ и французский ²⁷ языки.

Фэн Цицай описывает типы людей различных характеров и возраста. Если прежде он писал о том, что и как происходило, кто и как смог выстоять, то эта книга в основном посвящена тому, *как с этим грузом жить дальше*.

Показателен в этом смысле рассказ женщины, детского врача “В конце концов, совершила ли я преступление?” ²⁸. Она вместе с родителями подверглась издевательствам и жестоким побоям со стороны хунвэйбинов. Отец-художник когда-то отправил картину на выставку в США, и на этом основании его обвинили в “связях с империализмом”, кроме того, отца обозвали “капиталистом”, так как он сдавал часть своего помещения в доме в аренду. Героиня находит случайно сохранившийся перочинный ножичек на брелоке с ключами, предлагает отцу и матери покончить с собой, чтобы прекратить мучения (в то время самоубийства людей, затравленных хунвэйбинами, были частым явлением). Отец просит, чтобы она сама опытной рукой врача вскрыла сонную артерию ему и матери. Однако им удалось осуществить лишь часть замысла — героиня перерезала артерию отцу, и в этот момент им помешали. После тюремной больницы, где с ней также обращались жестоко (в соответствии с духом времени пациентов было принято делить на “своих” и “врагов”), ее арестовали, обвинили в том, что она хотела помочь отцу избежать “справедливого наказания”, и присудили к пожизненному заключению. Испытав сильнейшее нервное потрясение, она не покончила с собой лишь потому, что считала живой мать, не зная о том, что мать скончалась несколько дней спустя после смерти отца. Отсидев три года в тюрьме, она выходит на свободу после разгрома “банды четырех”, ее реабилитируют, отменяя прежний приговор. Прошло время, она вновь вернулась на работу в детскую больницу, жизнь наладилась. Родственники и сослуживцы не осуждают ее, говоря, что “время было такое”. Но ее постоянно мучает вопрос: имела ли она право так поступить? Имела ли право взять на себя такую ответственность? “Если бы я тогда своими руками не убила отца, мой отец и мать наверняка были бы живы и по сей день”. Задаваясь вопросом: как ей жить дальше с этим грузом, автор демонстрирует типичную ситуацию, когда конфликт не разрешен, хотя “культурная революция” и закончилась.

Неразрешенностью конфликта (в первую очередь внутриличностного) Фэн Цицай объясняет, почему он продолжает обращаться к теме “культурной революции” по прошествии стольких лет: “Хотя бедствие уже в прошлом, кто ответит за эти невинные жертвы? Самый лучший способ возратить им долг —

неважно, живым или мертвым — не только вскрыть причины этого бедствия, но и уничтожить взрастившую его почву”²⁹.

Указывая на проблему взаимосвязи возникновения таких явлений, как “культурная революция” с особенностями национальной психологии китайцев, писатель затрагивает целый комплекс идей общенациональной важности: “Я понял, трагедии “культурной революции” способствовали не только прямые социологические причины и вековое культурное наследие. Слабость человеческих характеров, зависть, трусость, эгоизм, тщеславие и даже такие положительные качества, как смелость, преданность, вера — все было перевернуто и стало страшной силой”³⁰.

Забывать случившееся и не упоминать о нем, по мнению писателя, не лучший вариант решения проблемы: “Я иногда с горечью осознаю, что наша нация слишком забывчива. Хотя “культурная революция” длилась десять лет, но о ней уже упоминают очень редко. Эти тени, что легли на лица — где они? Возможно, из-за феодального гнета предыдущих тысячелетий, простые люди привыкли справляться с трудностями, стирая их в памяти”³¹.

Изучение творчества Фэн Цзицая показало, что основными причинами возможности возникновения “культурной революции” он называет, во-первых, легкость, с которой массы (особенно молодежь) поддаются на манипуляции и позволяют втягивать себя в конфликт, а во-вторых, массовое предательство близких и отречение от своих убеждений. Образы тех, кто получил выгоду от “культурной революции”, вообще занимают особое место в творчестве Фэн Цзицая. Вывод, который напрашивается после прочтения его произведений: “культурная революция” была бы невозможна без огромного количества рядовых людей, по разным причинам (не всегда принудительно) включившихся в это действие.

Освещение феномена предательства друзей и близких в прозе Фэн Цзицая, на наш взгляд, представляет интерес с точки зрения фиксации китайского концепта предательства в современной литературе. Однако выходя за рамки размышлений о специфике национальной психологии, Фэн Цзицай затрагивает и общечеловеческие проблемы психологии предательства.

-
1. Бабичева Ю.В. Библейские образы в пространстве русской художественной литературы // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. 300 с. — <http://www.booksite.ru/fulltext/hri/sti/ans/tvo/index.htm>.
 2. *Свенцицкая И.* Человек, миф, история в книге Генрика Панаса “Евангелие от Иуды” // Панас Г. Евангелие от Иуды / Пер. И. Колташевой. М., 1987. — <http://foreign-prose.myriads.ru/%CF%E0%ED%E0%F1%2C+%C3%E5%ED%F0%E8%EA/3074/12.htm>. О психологии предательства Иуды см. также: Иуда Искариот // Андреевская энциклопедия. Христианские метакультуры. — <http://ae.rozamira.org/christian.htm>.
 3. Аверинцев С.С. Иуда Искариот // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. — М., 1980. Т.1. С. 581.
 4. Лао Шэ. Хо цзан [Огненное погребение] // Лао Шэ цюаньцзи [Полное собрание сочинений Лао Шэ]. Пекин, 1999. Т. 3. С. 329—510.
 5. Лао Шэ. Чжан Цзычжун [Генерал Чжан Цзычжун] // Лао Шэ цюаньцзи [Полное собрание сочинений Лао Шэ]. Пекин, 1999. Т. 9. С. 201—293.
 6. Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века. СПб., 2006. С. 148—149.

7. Коробова А.Н. Шанхэнь вэньсюэ [“литература шрамов”].// Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т./гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М., 2006. Т. 3: Литература. Язык и письменность. 2008. С. 577—579.
8. Лу Синьжуа. Шанхэнь [Шрамы] // Вэньхуэй бао [Литературный сборник]. 1978. 11 авг.
9. Фэн Цзицай издал более 50-ти книг, среди которых два романа, девять повестей, рассказы, эссе, очерки, публицистика, документальная проза, литературная критика. В 2005 г. в Китае вышло собрание сочинений Фэн Цзицай в 16 томах. Он неоднократно удостоивался всекитайских литературных премий. Книги автора переведены на девять иностранных языков, включая русский. В 2002 г. при Тяньцзиньском университете создан Научно-исследовательский институт литературы и искусства, которому было присвоено имя Фэн Цзицай. В настоящее время Фэн Цзицай является заместителем председателя Всекитайской Ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ), председателем всекитайской Ассоциации фольклора и искусства.
10. Шу чжо [Письменный стол] // Фэн Цзицай сюаньцзи (сань) [Избранные сочинения Фэн Цзицай в 3 т.]. Т. 3. Тяньцзинь, 1984.
11. “Шоухо” [“Урожай”]. 1979. NN№6.
12. Современная китайская проза: Ван Мэн, Шэнь Жун, Фэн Цзицай / Пер. с кит. и сост. В. Сорокина. Предисл. Л. Эйдлина. М., 1984; *Фэн Цзицай*. Повести и рассказы / Сост. и предисл. Б. Рифтина. М., 1987.
13. *Фэн Цзицай*. Повести и рассказы / Сост. и предисловие Б. Рифтина. М., “Радуга”, 1987. С. 106. Пер. В. Сорокина.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Лу Яньчжоу. Сказание заоблачных гор/Пер. С. Торопцева // Средний возраст: Современная китайская повесть. М., 1985. С. 199-266.
18. Лю Биньянь. Люди и оборотни / Пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни: рассказы китайских писателей. М., 1982. С. 200-247.
19. Фэн Цзицай сюаньцзи [Избранные сочинения Фэн Цзицай в трех томах]. Т. 2. Тяньцзинь. С. 146.
20. Там же. С. 189.
21. *Фэн Цзицай*. Доу хань ту [Картина “Противостоящие холоду”] // Фэн Цзицай сюаньцзи (Избранные сочинения Фэн Цзицай в трех томах). Т.2, С. 183.
22. Там же. С. 186.
23. там же. С. 149.
24. там же. С. 3.
25. *Фэн Цзицай*. И бай гэ жэньдэ ши нянь. 1966—1976. [Десять лет в жизни ста людей, 1966—1976]. Нанкин, 1997.
26. Feng Jicai. Ten Years of Madness: Oral Histories of China Cultural revolution. San Francisco, China books and periodicals Inc., 1996.
27. L’empire de l’absurde, ou, Dix ans de la vie de gen ordinaires. Feng Jicai; trad. du chinois par Marie-France de Mirbeck et Etienne Nodot. Paris, 2001.
28. Во даоди ю мэю цзуй? [В конце концов, совершила ли я преступление?] // *Фэн Цзицай*. И бай гэ жэньдэ ши нянь, 1966—1976. Нанкин, 1997; С. 73—84.
29. Фэн Цзицай. И бай гэ жэньдэ шиньянь, 1966—1976 [Десять лет в жизни ста людей: 1966-1976]. Нанкин, 1997. С. 2.
30. Там же. С. 3.
31. Там же. С. 2.